

*Кусмауль Светлана Михайловна
учитель церковнославянского языка первой категории
православной школы-пансиона «Плесково»*

ВОСПОМИНАНИЯ О САБЛИНОЙ НИНЕ ПАВЛОВНЕ

Последний раз я разговаривала с Саблиной Ниной Павловной 7 января 2007 года. 9 января ее не стало...

Я позвонила поздравить ее с Рождеством. Нина Павловна сообщила мне о перенесенной операции, о своей болезни, рассказала о проведенной работе (ведь только осенью она была в Плесково, заканчивала третью часть фильма), поделилась планами на будущее. «Я выкарабкаюсь, восстановлю силы», – все повторяла она. Еще столько надо сделать, завершить начатое...

Услышав в трубку голос моего ползающего десятимесячного ребенка, Нина Павловна пожелала мне: «Не забывай нас¹, не бросай церковнославянский язык, продолжай трудиться». Такое своеобразное завещание...

**Первый ряд: Макарова Е. В., Шестакова С. М., Саблина Н. П.,
Миронова Т. Л. Второй ряд: Кусмауль (Чертова) С. М., <?>,
Степихов А. А., Наумов С. А. Рождественские образовательные
чтения, 2004 год**

Постараюсь теперь рассказать о моем знакомстве с Ниной Павловной, о периоде общения с ней и о том, каким человеком она предстала передо мной.

С Ниной Павловной я познакомилась летом 2003 года. Ее пригласили в школу-пансион «Плесково» для съемок фильма о церковнославянском языке. Нина Павловна сразу завоевала всеобщую симпатию, ее доброта, открытость и увлеченность своим делом располагали к непринужденной беседе, полет ее мысли и энциклопедичность знаний поражали и уводили в горние высоты.

«Гонимы вешними лучами, / С окрестных гор уже снега / Сбежали мутными ручьями / На потопленные луга»². «Это же аллюзия на 147 псалом, – почти первое, что я услышала от Нины Павловны. – ...протѣвѣ лица мрѣза ѣгѣ ктѣ погтоитѣ; Пѣлетѣ слѣво евоѣ, ѣ нѣгѣтѣ ѣ: дхнѣтѣ дѣхѣ ѣгѣ, ѣ потекѣтѣ вѣды (Пс. 147: 6–7)».

Нина Павловна очень увлеклась идеей создания фильма о церковнославянском языке. Решили снять фильм о церковнославянской азбуке. За короткий промежуток времени (приблизительно около двух недель) были отсняты все серии фильма. Нина Павловна умела всю себя отдавать работе и не жалела сил на это.

Судьба этого фильма была сложная. Работа по монтажу шла в несколько этапов. Нина Павловна каждый раз приезжала, работала вместе с монтажером как автор и как режиссер. Третья часть этого фильма была закончена уже после кончины Нины Павловны в январе 2007 года к Рождественским чтениям.

Не все сразу получалось, но, несмотря на какие-то неудачи, она никогда не унывала. «Для христианина нет неудач, на все воля Божия, – не раз говаривала она. – Что-то не получается – будем молиться, и все обязательно получится».

Нина Павловна во всем полагалась на Божью волю. Вот, например, как она брала билеты в поезд, когда ехала в Москву или обратно. Почти перед самым отходом поезда Нина Павловна, помолившись, обращалась в кассу: «Один билет до Санкт-Петербурга». «Билетов нет». «А вы посмотрите повнимательней». «Есть, верхняя полка, боковая». «Отлично, а мне больше и не нужно: лечь спать ночью, а утром проснуться, – комментировала она такие ситуации. – Я-то была уверена, что для меня обязательно найдется одно место».

Но работа над фильмом – это только часть той деятельности, которую проводила Нина Павловна Саблина в Плесково. Она давала открытые уроки в

тех классах, где я преподавала церковнославянский язык (с пятого по восьмой), проводила семинары с учителями и воспитателями школы. Поистине огромны и неоценимы те знания, которые передала Нина Павловна. Ее находки, фактические и методические разработки нашли свое применение на уроках церковнославянского языка. Я считаю, что мне очень повезло быть соратником Нины Павловны Саблиной, присутствовать у нее на уроках и семинарах.

Она разбирала с детьми псалмы 90, 50, 22, 23, 115, 145, 1, 136, рассказывала о церковной седмице, об азбучном имяслове, о праздниках Покрова Богородицы и Рождества Христова, об особенностях церковнославянских местоимений и многое другое. Тематические азбуки «Златоцвет» и «Физиолог» были специально составлены Ниной Павловной для учеников школы «Плесково». Помню, как она рассказывала о значении слов «лоза» и «розги» при разборе «Златоцвета» («Символика и образность растительного мира в Священном Писании»): «Лоза – виноградная ветвь, розги – веточки, побеги. Лоза – это Христос, розги – христиане. И на стенах вашего храма вы тоже можете увидеть виноградные ветви. Церковное слово объединяет все искусства, и человек, воспринимая все это, пребывает в гармонии». (К тому времени как раз недавно расписали школьный храм, а на стенах – виноградные ветви). Удивительно, как все совпало с жизнью: символика, синкретизм искусств! Нина Павловна всегда стремилась выйти за узкие рамки только языкового материала. Язык (прежде всего церковный) ей виделся как органичная и объединяющая часть всех областей жизни. Это проявлялось и в заданиях, которые она придумывала для детей.

После знакомства с азбуками «Златоцвет» и «Физиолог» по совету Нины Павловны ученики создавали творческие работы: на листе А4 изображали любое понравившееся растение или животное, писали их название по-церковнославянски, их символическое значение, а также стихотворение русского поэта (были такие, что сочиняли свое) про это растение или животное. Некоторые вместо стихотворения выписывали цитаты из Священного Писания по данной теме. Нина Павловна очень любила стихотворения русских поэтов, всегда использовала их в своих работах, с особым трепетом часто цитировала на уроках.

Нина Павловна вдохновляла, давала материал, а затем уже шла дальнейшая работа по его оформлению и осмыслению. Разбор различных псалмов Ниной Павловной Саблиной привел меня к созданию системы вопросов к этим псалмам для контроля учеников. Вместе с Ниной Павловной мы разрабатывали методику работы с псалмами в школьной аудитории. Это происходило при живом общении во время подготовки уроков.

Но самым замечательным моим воспоминанием о работе с Ниной Павловной стало редактирование моего «Практикума по церковнославянскому языку».

24 июля 2004 года я приехала к ней в Санкт-Петербург. Помню, я вся горела жаждой деятельности, хотела поскорее показать Нине Павловне свою работу, поделиться мыслями, обсудить, исправить. И вот за чашкой чая мы с Ниной Павловной читаем мой «Практикум». Она, конечно, по поводу чуть ли не каждого слова приводит или комментарий, или сравнение, а где и воспоминание.

Через два дня мы с ней поехали в Вырицу на дачу к ее родственникам. Я не знаю особенности пригородного движения Санкт-Петербурга, поэтому положила на Нину Павловну. И вот мы сели не на ту электричку (она поворачивала где-то до Вырицы). Пришлось выходить, ждать другую. Добирались дольше, чем положено. Нина Павловна мне: «Ты только не говори моей сестре двоюродной, что мы сели не туда: она будет меня ругать. Я уже так не раз не туда садилась».

В Вырице наша работа продолжилась на природе, вдали от городской суеты. Помолились мы и у могилки Серафима Вырицкого, побывали на литургии в вырицком храме.

А по дороге туда и обратно Нина Павловна рассказывала мне о своей жизни, об учебе, о работе на Сахалине, о коллегах-филологах. Жизнь у нее была удивительная, полная событий, борьбы, творческого поиска, напряженной работы. Работала она и в школе, и в институте на Сахалине, потом в Санкт-Петербурге. Всего и не охватить.

Уезжала я из Петербурга с «Практикумом», кое-где исправленным и дополненным Ниной Павловной, а еще с ее предисловием к нему. Нина Павловна одобрила все темы, задания, основное направление и, можно сказать, благословила выход «Практикума» в свет.

В некотором смысле я могу считать себя ученицей Нины Павловны. Ее книгами «Церковнославянская грамота», «Буквица славянская», «Слова под титлами» я пользовалась еще до личного знакомства с ней. Личное же знакомство обогатило меня доселе нигде не прочитанными взглядами на церковнославянский язык, на его преподавание, вдохновило и дало толчок для дальнейшей работы.

Нина Павловна мыслила образно, поэтически. Разбирая какое-нибудь слово или стих в псалме, она вглядывалась в самую суть, рассматривала образ, этимон, при этом приводила множество примеров с тем же образом в других текстах (церковных и поэтических) или примеры на тот же корень в других словах (не только русского или церковнославянского языка, но и английского, латинского, греческого, еврейского и других языков). Такие обширные знания иногда уводили ее далеко от основного предмета обсуждения. Подчас было трудно угнаться за ходом ее мысли: из одного образа рождался другой, далее сравнение, затем пример поэтической строчки, пример из жизни и т.д. Часто приходилось возвращать ее «с небес на землю», к логике вещей.

Становилось даже странно и необычно, когда Нина Павловна начинала говорить на бытовые темы. Как-то не уживалась с ее образом бытовая проза жизни. Она и сама говорила, что часто во время приготовления супа задумывалась и обо всем забывала.

Казалось, что и саму свою жизнь Нина Павловна рассматривает поэтически, в образах, символах, концептах. Вспоминая, как будущий муж сделал ей предложение, она рассказывала: «Он мне сразу сказал, как увидел, что будет моим мужем. А я, как Сольвейг, смеясь, скатилась от него с песчаной горы Сахалина».

И Псалтирь ее привлекла, как мне кажется, прежде всего, своей поэзией и образностью. Надо заметить, что Нина Павловна всегда возила с собой небольшую потрепанную Псалтирь, всю подчеркнутую и исписанную комментариями. Но, несмотря на некую жизненную отвлеченность (свойственную многим творческим людям), Нина Павловна работала основательно. Уж если бралась за какую-то тему, то разрабатывала ее глубоко и подробно. На каждый псалом Псалтири у нее были целые папки с наработками. Примером такой обработанной и напечатанной

папки может служить книга «Живый в помощи Вышнего. Псалом 90: язык, символы, поэтика». По псалмам также Нина Павловна вела передачи на «Православном радио Санкт-Петербурга». Работала над составлением симфонии к Псалтири. Ее основным интересом в последние годы жизни была словесная поэтическая формула псалмов. Этому были посвящены и доклады, и беседы Нины Павловны.

Она всегда подчеркивала: «Церковнославянский язык – это не иностранный для нас язык, а родной, это высший стиль русского национального языка». Нельзя переводить церковнославянский язык на русский (каждое слово, как в иностранном языке). Много в церковнославянском языке нам понятно и так, отличие заключается в некоторых грамматических формах, в синтаксисе, а также в большей образности и возвышенности лексики церковного языка по сравнению со светским. В связи с этим Нина Павловна основное внимание при разборе текста уделяла его образам, символам, поэтике, но при этом не забывала и про грамматику. Сочетать все уровни языка у нее получалось очень органично. Следуя такому подходу к церковнославянскому языку, и я употребила в своем «Практикуме» в заданиях слово не «переведите», а «переложите с церковнославянского языка на русский», подразумевая только изменение непривычных нам сейчас грамматических форм на современные понятные формы.

Церковнославянский язык для Нины Павловны был не только объектом для изучения, но, по сути, самой жизнью. И свою жизнь она положила на восстановление преподавания церковнославянского языка. Еще при первой встрече Нина Павловна сказала мне, в чем видит цель своей работы: «Донести, адаптировать высокие и глубокие разработки ученых до простого человека, до обыкновенного преподавателя церковнославянского языка».

В жизни каждого человека есть такие люди, которые влияют на него, определяют дальнейшее направление жизни, открывают для него какие-то до сих пор невиданные грани. Вот таким человеком для меня явилась Саблина Нина Павловна. Она стала для меня истинным учителем (в глубинном смысле этого слова). Учителей в школе, преподавателей в институте много, а вот истинных учителей у человека может быть один, два, не больше...

Еще раз хочется сказать, хотя слова эти звучали у меня уже не раз: общение с Ниной Павловной Саблиной – это полет, вдохновение, глубина и высота. Ее основным направлением было восстановление утраченного смысла церковного слова, слова-Логоса. Во всем это виделось: и в работе, и в жизни. Она как истинный воин Христов трудилась на пользу Церкви и во славу отечества, земного и Небесного. И жизнь ее в этом смысле – Подвиг, подвиг с большой буквы.

С особой любовью Нина Павловна рассказывала о составлении тематической азбуки Подвига и подвижничества. И как цитируется в этой азбуке слова Николая Сербского: «Истинные христиане всегда считали свою жизнь военной службой»⁴, так же и Нина Павловна жила, служа Церкви и Христу, не жалея живота своего.

И сейчас, перечитывая ее статьи, я как будто слышу ее голос, живой, полный энергии, вдохновленный. Голос, уводящий в горние высоты. «Тáмш – это указание на особое пространство, не столько географическое, сколько духовное; это находится не в системе горизонтали, а в системе вертикали», – вспоминаю я слова Нины Павловны. «Тáмш нáдъже прáведнiи оупокóяютьсá...» (из панихиды). Одной из любимых тем Нины Павловны была панихида и образы смерти в русской поэзии. «Погребальные песнопения – радостные, – объясняла она, – преобразующие, открывающие жизнь вечную»...

P. S. В конце февраля 2007 года мне снится сон, и во сне я явственно ощущаю, что Нина Павловна жива. Я начинаю недоумевать: как же так, ведь ее уже нет. Я ничего не понимаю. Но четко осознаю, что она жива. Такое состояние длится некоторое время, а потом я просыпаюсь. Утром я заглянула в календарь: 27 февраля, память святого равноапостольного Кирилла, учителя словенского.

Примечания

¹ Имелось в виду дело преподавания церковнославянского языка.

² А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Гл. 7, I.

³ Ч. 1 – монтажер Прокофьева Ксения Сергеевна; Ч. 2 – монтажер и режиссер Прокофьева Ксения Сергеевна; Ч. 3 – монтажер и режиссер Краснова Мария.

⁴ Святитель Николай Сербский. Мысли о добре и зле. – М., 2001. – С. 62–63.